

Вяч. ИВАНОВ

О Вагнере

Три музыкальных гения особенно дороги и близки нам, людям порога: Бетховен, Вагнер, Скрябин. Они связаны между собою общностью стремлений и связью преемственности. Вагнер сознавал себя продолжателем дела Бетховена, исполнителем его заветов. Когда библейский Илия возносился на небо в пылающей и громовой колеснице, он сбросил с плеч верхнюю одежду на руки ученика своего, Елисея, — и вместе с плащом унаследовал ученик пророческий дар учителя: Елисеем чувствовал себя Вагнер по отношению к Бетховену. Скрябин, глухо неотзывчивый к музыке Бетховена, видел своего предшественника в Вагнере. Но все трое явятся, быть может, только предтечами такого искусства, которое впервые во всей полноте и завершительной простоте осуществит их лучшие чаяния, — которое впервые будет искусством большого стиля, сплавливающим массы в единое душевное тело, творящим в них единый дух. Оно не могло доньше осуществиться в полноте, это грядущее, большое, всем родное искусство, потому что иной требует оно культуры, чем та, через пласты которой должны были по сей день пробиваться его ростки: не терпит оно культуры уединенных и обособленных, хочет культуры соединенных общию великою мыслью, общию волей.

В музыке Бетховена, по свидетельству Вагнера, нашло свой действенный и непосредственно понятный язык глубочайшее самосознание человеческого духа: таково было его первое дело. Другое же — то, что музыка его воздвигла образ героя, явила в потрясающем величии красоту героической воли. Третьим делом Бетховена было провозглашение соборного хорового начала верховным из начал, строящих новую жизнь. В своей Девятой симфонии он мощным призывом ко вселенскому хороводу вольности и радости собирает все человечество в одну семью свободных людей, впервые нашедших в равном союзе и в общении высокого одушевления свой истинный облик, впервые узнавших друг в друге братьев.

Те же стремления мы встречаем и в творчестве Скрябина. И для него музыка — выражение первооснов человеческого духа, и он лелеет в ней идеал героического самопожертвования во имя целого, во имя всех; и он собирает людей в единый хор, действительно изменяющий всю жизнь до ее природных устоев. Некий вселенский пожар — грезилось ему — должен испепелить ветхий мир и преобразить лицо земли. Но смерть прервала неудержимый полет его творческого духа, и не успел он оставить нам завершительного создания, которое мыслил, как хоровое действие всемирного сдвига.

Ибо справедливость мнения Ницше о рождении трагедии из духа музыки подтверждается на наших глазах знаменательным примером Скрябина: стихия музыки, им владевшая, непреодолимо влекла его к формам действия. Многоголосая орудийная симфония искала завершительного воплощения в живом слове и движении соборного множества. «Мистерия», замысел которой можно назвать запредельным, осталась за горизонтом осуществимости и осуществления, хотя на каждое новое свое создание гениальный композитор смотрел как на предуготовительное достижение по пути к этой верховной и единственной цели: далекая «Мистерия» была как бы магнитным полюсом этой творческой жизни. Но «Предварительное Действие» уже созидалось: перед нами и полный поэтический текст его¹, и для некоторых частей — наброски, еще смутных

Печатается по: *Иванов Вяч. Предчувствия и предвестия*. М., 1991. С. 82–84.

¹ Печатается в «Русских Пропилеях», под редакцией и с обширным введением М. О. Гершензона.

грандиозных музыкальных контуров. «Предварительное Действие», по твердому решению автора, не должно было исполняться перед бездейственной толпой слушателей, — только слушателей. Присутствующие, все без исключения, в праздничных одеждах должны были соучаствовать в исполнении священной драмы — петь в хорах или шествовать в торжественных процессиях. Соборность должна была реализоваться в искусстве, и искусство обратиться в событие жизни. Скрябин выражал этим глубочайшую мысль нашего времени.

Вагнер стоит по времени между Бетховеном и Скрябиным и служит средним звеном в золотой цепи тех же исканий. Героическое начало облекает он в сверхчеловеческие облики и участи воплощенных на сцене героев мифа; миф же для него — орудие образного раскрытия глубочайших прозрений в смысле жизни, в трагическую загадку бытия. Но в разворачивающейся перед нами мировой эпопее мы видим исключительно героев; нет в ней места людскому множеству, и не звучит многоустый голос живого хора, каким мы знаем его по девятой симфонии Бетховена, по симфонии Скрябина, названной им: «Прометей, поэма огня». Между тем, задуманы музыкальные драмы Вагнера именно как всенародные «праздничные действия». Соборный голос человечества затаен в гармониях оркестра: их мощно волнующегося, полнозвучного моря инструментальной музыки, в которой стонет и ищет себе выражения, по замыслу композитора, мировая воля, возникает красочное марево сцены, как золотое облако вещего сна, как магическое зеркало, являющее жизнь такую, какою она представляется своей сокровенной сущности ясновидящему созерцанию. В созвучии бессловесного орудийного хора звучит, по замыслу композитора, соборная воля всего человечества, и, сливаясь с душой симфонии, мы сами вызываем и творим это видение преображенного человека в облики движущихся перед нами богов и героев, как бы отбрасывая собственное отражение в некое надмирное пространство.

Да и нет еще, — по крайней мере в «Кольце Нибелунов», — свободного себя осознавшего человечества: оно лишь творится. Сам Вотан, — верховный бог этой первозданной вселенной, бог мудрый, творчески-замечательный и великодушный, но не всеведущий, не всемогущий, не вековечный, — тоскует по свободном человеке, не знающем страха. Мы присутствуем при его рождении, — перед нами Зигмунд и Зиглинда, брат и сестра, невинно полюбившие друг друга, не зная друг друга, и несущие кару за преступную любовь. Зигмунд должен умереть, но Зиглинда спасается, чтобы дать жизнь Зигфриду². Солнечный герой погибнет, как умирает Солнце, и увлечет за собою и гибель всю Валгаллу, весь мир первых богов; но на развалинах Валгаллы встанет новое человечество... Высокое пророчество, — но не таких действий все же мы ждем, — не действий обетования, но исполнения, действий хорового множества, человеческого многоустого голоса и человеческого реального, а не магического и символического героизма, — мы ждем их и, знаю, дождемся.

² Опущено краткое изложение сюжета «Валькирии».